

А.Б. Ланцова

Петр Первый

Петр Алексеевич Романов, — герой романа А.Н. Толстого «Петр Первый», царь, сын второй жены царя Алексея Михайловича Натальи Кирилловны Нарышкиной.

Внешность Петра с детских лет привлекает окружающих своей неординарностью. Ребенком он имеет «черные стриженные волосы, глаза круглые, как у мыши, маленький рот». Это «круглощекий и тупоносенький мальчик с круглой кудрявой головой», которой он от испуга крутит в разные стороны. Голос из толпы замечает: «Гляди-ка — чистый кот».

У Петра не только примечательная внешность, но и рост. Длинные ноги, да еще несколько косолапые, создают ему много неудобств. Он ходит, по-журавлиному поднимая ноги. «Как жердь длинный», Петр не любит ездить верхом — «слишком был длинен».

В момент стычки приближенных царицы со стрельцами «круглое лицо Петра исказилось, перекопилось, он вцепился обеими руками в пегую бороду Матвеева». Стрельцы отшвыривают Петра, «как котенка». Воспоминания о кровавой бойне на Красном крыльце постоянно преследуют его.

«Петр — горяч умом, крепок телесно», — думает Василий Голицын, сравнивая его с братом Иваном. Горячность и нетерпеливость в большом и малом — отличительные черты характера царевича. Так, он горит желанием самому протащить иголку с ниткой через щеку. В потешных играх он бегаёт по двору, «спотыкаясь от торопливости», не терпит ошибок, гневно кричит «петушиным голосом» на своих солдат. Наталья Кирилловна с содроганием увидела Петенькины бешеные, «круглые глаза», как он, «сердясь, ударил несколько раз мушкетиком одного из потешных мужиков, втянувшего голову в плечи». «Не по его — так и убьет, — в кого только нрав у него горячий», — сетует мать, обращаясь к Никите Моисеевичу Зотову, дядьке «норовистого мальчика». Торопливость и горячность проявляются и в речи Петра («горячась, он начинал говорить неразборчиво, захлебываясь торопливостью, точно хотел сказать много больше, чем было слов на языке»).

Петр удивляет окружающих тем, что играет в войну всерьез. Постепенно его требования к воинской потехе ужесточаются, указы приобретают деловой характер (по одному из указов в войско набирают сто молодых мужиков, деревянные пушки сменяются чугунными.) «Играть Петр был горазд — мог сутки без сна, без еды играть во что ни попало, было б шумно, весело, потешно, — стреляли бы пушки, били барабаны». Играющие пугают до полусмерти монахов окрестных деревень. Бояре и монахи с трудом «узнавали в длинном, вымазанном в грязи и пороховой копоти, беспокойном вьюноше — самого царя».

Скоро солдатам потешного войска становится «уже не до потехи»: к ним приставляют генерала Автомона Головина, иноземца капитана Федора Зоммера, который «даром жалование получать не хотел». «Много побили в полях разного скота и перекалечили народу».

Круг знакомств Петра быстро расширяется после встречи на Яузе с Францем Лефортом и посещения Кукуйской немецкой слободы. В Преображенском дворце он не переносит «духу старушечьего». Слобода воспринимается им как город «из тридевятого царства, тридевятого государства, про который Петру еще с колыбели бормотали няньки».

Его удивляют жизнь кукуйцев, музыкальный ящик Иоганна Монса. После пения «молоденькой девушки в белом и пышном, как роза, платье» у него «дико забилося сердце». Немцы многое подмечают в характере Петра, им нравится, что тот «хочет все

знать». Иоганн Монс, отец Анхен, в рассказе о том, как посещал его царь, отмечает: «О, у этого юноши сидит внутри тысяча чертей».

Петр много времени и сил отдает своему войску. Не случайно в слободе в разговорах «перед дверью аустерии Иоганна Монса» передаются слова Зоммера: «Погодите, дайте нам год или два сроку, у царя Петра будет два батальона такого войска, что французский король или сам принц Морис Саксонский не постыдятся ими командовать...»

Петр постоянно удивляет всех своими поступками. Раньше «не в обычае Петра было возиться с одеждой», теперь, когда он первый раз предстает перед Европой, он «напялил парик и ухмыльнулся в зеркало», «руки... вымыл с мылом, вычистил грязь из-под ногтей, торопливо оделся в новое платье, подвязал, как его учил Лефорт, шейный белый платок и на бедра, поверх растопыренного кафтана, шелковый белый же шарф».

В начале своих самостоятельных действий Петр еще заботится о мнении окружающих (сцена, когда Никита Зотов едет послом «от эллинского бога Бахуса — бить челом имениннику» Лефарту). Шутка удалась, а царевич все никак не мог успокоиться. «Петр, красный, с сжатым ртом, со злым лицом, вытянувшись, сидел на козлах». Когда свиньи понесли карету, Петр, «стоя, все стегал, — багровый, с раздутыми ноздрями короткого носа. Круглые глаза его были красными, будто он сдерживал слезы». Соскочив с козел, вытаскивая Зотова, он задыхающимся голосом выговаривает приветствие, «бешено глядя в глаза Лефарту, будто боясь покоситься, увидеть в толпе кого-то...»

Петр многое переживает и узнает в слободе впервые: сидит за одним столом с дамами, видит по-европейски одетых женщин с обнаженными плечами, Анхен, которая «улыбалась ему блестящими глазами», пьет анисовую. Петр приходится нелегко. «Стиснув челюсти, он ломал в себе еще темные ему жестокие желания». Юноше безумно хочется «запустить пальцы в волосы Анхен, сжать ее голову, губами испытать ее смеющийся рот... И опять у него раздувалась шея, тьма застилала глаза».

Даже в танцах дает себя знать неистовая натура Петра. Ободренный Лефартым, непринужденностью поведения гостей, их доброжелательным вниманием, царевич пляшет «точно сама музыка дергала его за руки и ноги...» Он выделывает «такие скачки и прыжки, что гости хватались за животы, глядя на него».

Под впечатлением вечера, выпитого вина Петр по дороге домой переживает приступ болезни. «Ледяная рука Петра, вцепившись в Алексашино плечо, застыла, как неживая. Около дворца он вдруг выгнул спину, стал закидываться...» В этот вечер Петр находит верного друга и слугу — Алексашку Меншикова.

Стремление Петра к новому не знает границ. Вместе с солдатами он выносит мушкетеру Зоммере («со страхом выкатывал глаза, проходя мимо него»). Он стремится сразу одолеть математику и морское дело у иноземцев, Франца Тиммермана и старика Картена Брандта.

Потешные войска скоро начинают привлекать внимание бояр не только своими странностями, но и тем количеством денег и других затрат, которые требует царь. Бояр тревожит не столько расточительство Петра, сколько его тяга к «басурманству». Два берега Яузы, как позднее два берега в Архангельске, символизируют непримиримость и непонимание сторон. Одетые со всей пышностью бояре видят Петра «в вязанном колпаке, в одних немецких портках и грязной рубашке, рысью по доскам везет тачку...» Много нелестных слов находят они для него: «холоп», «шпынь ненадобный». На увещание боярина молодой царь «как ахнет из двенадцатифунтового единорога горохом...»

Слобода как магнитом притягивает царя (для него это символ разумной, энергичной и чистой жизни). Его «дрожащие ноздри» втягивают «сладкие женские духи, приятные запахи трубочного табаку и пива». «Станный юноша», «царь варваров», — так отзываются о нем в слободе. Петр желает сразу же охватить все сферы жизни. Он более и более увлекается Анхен Монс. П. всегда приглашает ее на первый контрданс, и «каждый раз она вспыхивает от радостной неожиданности». Он ревнует ее, сидит, как туча, когда Анхен

приглашает другой кавалер. Петр «...суетился на табуретке, искоса глядя, как разлетаются ее юбки, у него громко болело сердце — так желанна, недоступно соблазнительна была она».

Юношеские мечты Петра (иметь мельницу или кожевенное заведение) выдают его отстраненность от государственных дел, управления страной. Наивность молодого царя скрывается и в его мечте жениться на Анне Монс. «А почему нельзя?» — удивляется он. Алексашка открывает ему глаза на этот брак: «Жди тогда набата». «Мне это (ехать в Москву) хуже не знаю чего», — открывается он Алексашке. Вдобавок ко всему, в его сердце постоянно сидит страх. «Они меня зарежут, я знаю», — говорит он своему денщику.

Под влиянием знакомства с европейскими порядками, Петр меняет уклад жизни в Преображенском дворце. Резкий хохот царя раздается по сонному дворцу. Мастерские в одной из комнат, энергичная деятельность Петра одних бояр удивляют, других привлекают, третьих приводят в бешенство. Царевна Софья говорит своим приближенным: «Подрос волчонок».

Боярин Борис Алексеевич Голицын, человек европейски образованный и масштабно мыслящий, благодарит царицу Наталью Кирилловну: «Доброго сына родила, и умнее всех окажется». Петр быстро привязывается к нему, искренне любит, часто советуется. Невоздержанность Голицына в питье, участие в пьяных оргиях (сцена на сборище пьяниц) сближают их.

Веселье Петра на Кукуе, компрометирующие слухи, которые доходят до Натальи Кирилловны, заставляют ее принимать свои меры. Царица надеется, что сын остепенится, если женится.

Нетрудно понять порыв Петра съездить на часок в слободу, когда совершенно безразличная ему невеста сидит в светлице. Он хладнокровно и с каким-то любопытством, как со стороны, наблюдает обряд венчания, испытывая самые противоречивые чувства. «У него жарко застучало сердце: запретное, женское, сырое — плакало подле него, таинственно готовилось к чему-то, чего нет слаще на свете». Думы об Анхен и дрожащая, «как овечий хвост», рука невесты порождают в нем жестокость, собственнические инстинкты. С удовольствием Петр продолжает «сильно сжимать ее руку, глядя, как под покрывалом все ниже клонится голова жены». Он жадно глядит на Евдокию, когда с нее срывают покрывало, целует в щеку, в губы. Он не чувствует радости, а гости пятятся, «увидев его глаза».

«Досада так и кипела» в нем. «Свадьба проклятая! Потешились старым обычаем», — думает Петр. Через месяц после свадьбы он едет на Переяславское озеро. О письмах матери и жены Петр небрежно отзывается: «Скука старозаветная!» («Петру не то что отвечать, — читать эти письма было недосуг»).

Постоянное нетерпение царя отражается и на характере работы на верфи. «Рабочих чуть свет будили барабаном, а то и палками, многие падали от усталости».

Петр влюбляется в море, еще не видев его. Рассказы Картена Брандта, португальца Памбурга, картины с изображением моря, подаренные ранее Голицыным, возбуждают воображение молодого царя.

Для осуществления своей мечты Петр, как всегда, не жалеет себя и других. Уморившись, он спит в лодке, «завернув голову в кафтанец, сладко похрапывает». «Из широких голландских штанов торчали его голые, в башмаках набосо, тощие ноги». Раза два он «потер ими, во сне отбиваясь от мух». Лев Кириллыч Нарышкин, дядя Петра, удручен этой картиной. «Царство на волоске, а ему, вишь, мухи надоедают...» — думает он. Нарышкину слышатся еще голоса бояр в Кремле: «Петру прямая дорога в монастырь. Кутилка, солдатский кум...»

Настроение Петра Петр противоположно дядиному. Он, «обгорелый, грязный», но счастливый. «Глаза слегка припухли, нос лупится, кончики едва пробившихся усиков закручены».

Петр сразу оценивает положение: «...Эге, видно, дела там плохи, если ленивый дядюшка так расколыхался». Лев Кириллович не скрывает опасности, и его «всхлипывающий шепот» наводит на Петра страх. «Будто снова услышал он крики такие, что волосы встали дыбом, видел наискось раскрытые рты, раздутые шеи, лезвия уставленных копий, тяжело падающее ни них тело Матвеева... Телесный ужас детских дней!..» От нервного перенапряжения с ним вновь делается удар, он бьется в руках дяди, «брызгая пеной». «Гнев, ужас, смятение были в его бессвязных криках».

После приступа Петр сидит у воды, глядя «на светлую пелену озера, где летали чайки над мачтами кораблей», и думает о том же, о чем скажет ему появившийся, «пошатываясь, Никита Зотов»: «Вот мы и доигрались... Бросать надо... Ребятчи-то игры...»

В Успенском соборе Петр показывается «во всем царском сане», как просил дядя. Его вид приковывает внимание бояр. «На царском месте под алым шатром стояла Софья... Налево стоял долговязый Петр, — будто на святках одели мужика в царское платье не по росту. Бояре, поднося ко рту платочек, с усмешкой поглядывали на него: несуразный вьюноша, и стоять не может, топчется как гусь, косолапо, шею не держит...» Они замечают, что «у этого, у кукуйского кутилки, желваки выпячены с углов рта, будто так сейчас и укусит, да кусачка слаба... Глаз злой, гордый...»

Впервые в тишине собора Петр заявляет свое право на престол громко и открыто, требуя для себя образ казанской владычицы. Отрывисто, с ненавистью обращается он к Софье: «Отдай...» Петр выражает свою царскую волю: «Ты иди к себе. Отдай икону... Это не женское дело... Я не позволю...»

Политическое противостояние втягивает Петра в водоворот страшных событий. Мало кто видит в нем надежду России. «Всем надоело — скорее бы кто-нибудь кого-нибудь сожрал: Софья ли Петра, Петр ли Софью... Лишь бы что-нибудь утвердилось...»

Голицын замечает, что Петра как подменили. Он в каждого вонзается взором, никому не доверяет, ходит с охраной. В бессонные ночи Петр о многом передумывает. «Вспоминал: хоть в притеснении и на задворках, но беспечно прошли годы в Преображенском — весело, шумно, бестолково и весьма глупо... оказался: всем чужой... Волчонок, солдатский кум... Проплясал, доигрался, — и вот уж злодейский нож у сердца...»

Его душевное напряжение прорывается в одну из ночей, когда стрельцы-перебежчики появляются в Преображенском и бросаются ему в ноги со страшными причитаниями. «Весь сотрясаясь, мотая слипшимися кудрями, лягая левой ногой, Петр закричал еще страшнее стрельцов, оттолкнул Никиту и побежал, как был, в одной сорочке, по переходам».

Только за крепкими монастырскими стенами находит Петр успокоение. Его сняли с седла, внесли «полуживого от стыда и утомления в келью архимандрита».

Здесь Петр вынужден вести себя сообразно сану, отказаться от старых привычек («скороговорку и тарашение глаз бросил»), одеваться в русское платье («в чистых ручках — шелковый платочек»). Он «благословенно и тихо» отвечает боярам «и не по своему разуму, а по советам старших». Все приближенные (старозаветное окружение), особенно Наталья Кирилловна, радуются такой перемене. «...Образумился государь — то наш, такой истинный, такой чинный стал...» — говорит она ближним боярам.

Прежде Петр не отличался благочестием, часто уклонялся от молитв. В Троице «чуть свет царь Петр, — по правую руку царица мать, по левую патриарх, — сходили с крыльца стоять службу».

Петр быстро взрослеет. Лефорт мудро предупреждает его: «Выжди, укрепись». Он успокаивает Петра, говоря, что придут веселые дни, будут еще в его жизни и радости, и потехи.

Большая духовная работа совершается в Петре во время допросов. Он «бледен и задумчив». Когда допрашивают и пытаются Шакловитого, одного из самых верных слуг царевны Софьи, Петр сидит «важный и презрительный». И вместе с тем он не может

сдержатъ переполняющие его чувства. «Правду говори, пес, пес... Жалеете — маленького меня не зарезали? Так, Федька, так?... Кто хотел резать? Ты? Нет? Кто? С гранатами посылали? Кого? Назовите... Почему ж не убили, не зарезали?..»

После расправы с заговорщиками молодой царь не торопится с войском в Москву. «Про Петра ходили разные слухи, и многие полагали на него всю надежду. Россия — золотое дно — лежала под вековой тиной... Если не новый царь поднимет жизнь, так кто же?» «Весельем, радостными заботами, счастливыми ожиданиями» начинается теперь день Петра. «Теперь, когда в Москве, наверху сидели свои, Петр без оглядки кинулся к удовольствиям. Страсти его прорвало...»

Вместе с иноземцами после рассказа англичанина лесоторговца Сиднея царь едет к Покровским воротам, где до плеч зарыта в мерзлую землю женщина, убившая мужа. Отвратительная картина, видимо, вызывает у него физические страдания, и это влияет на решение Петра. «Вели застрелить», — говорит он негромко Алексашке. После этого «неистойвой печалью» разрывается его сердце. «Будто сам по шею закопан в землю и сквозь вьюгу зовет из невозможной дали любовь свою...»

Петр находит счастье в общении с Анхен. Танцуя с ней, он признается: «Мне с тобой счастье». Присутствующие настороженно слушают, как Петр спрашивает Анну Монс: «Аннушка, ты меня любишь?»

Сложно складываются у Петра отношения с боярами (сцена чтения патриархом Иоакимом под сводами Грановитой палаты своей тетради о бедах народных, об иноверцах.) Он держится мужественно и мудро, по настроению бояр видя, «что дело с Квириным Кульманом давно приговорено». От царя требуют государственного решения, и он соглашается на сожжение еретика. Одновременно он жестко указывает патриарху на его место. «Святейший отец, — сказал Петр с приличным гневом... — горько, что нет между нами единомыслия... Мы в твоё христианское дело не входим, а ты в наше военноеходишь... Замыслы наши, может быть, великие, — а ты их знаешь?... Мы моря хотим воевать... Мне без иноземцев в военном деле никак нельзя... Это что же... (Он стал глядеть на бояр поочередно) Крылья мне подшибаете?»

Постепенно Петром овладевает придворной дипломатией. Отдав патриарху Кульмана, он просит у бояр денег «на военные да на корабельные надобности...»

Почувствовав силу царя, бояре спешат в Преображенское на шутовскую службу, несмотря на великие чины. «Микитка Зотов, всешутейший князь-папа кукуйский» говорит по этому поводу: «Скоро до всех доберемся... Не долго тараканам по щелям сидеть. Все поедят у нас солдатской каши...»

Но Петр долго никак не может уgomониться с потехами. Из Преображенского и окрестных деревень он переносит гульбу на Москву. «Дивились, — откуда у него, у дьявола, берется сила. Другой бы, и зреее его годами и силой, давно бы ноги протянул. В неделю уже раза два непременно привозили его пьяного из Немецкой слободы. Проспит часа четыре, очухается и только и глядит — какую бы ему еще выдумать новую забаву».

По дороге в Архангельск Петр впервые видит «такие просторы полноводных рек, такую мощь беспредельных лесов». «Земля раздвигалась перед взором, — не было ей края».

Петр, стоя рядом с Лефортом на палубе, видит на левом берегу иноземные суда, «полотнища флагов — голландских, английских, гамбургских». Нарядный Лефорт, на которого косится Петр, «доволен, весел, счастлив...» «Петр засопел, — до того вдруг захотелось дать в морду сердечному другу Францу».

«Богатый и важный, грозный золотом и пушками, европейский берег с презрительным недоумением вот уже более столетия глядел на берег восточный, как господин на раба...» И все же Петр доволен тем, что увидел настоящие корабли. У него «горели глаза». Он повторяет: «Хорошо, хорошо...» Его первый порыв — на приветствие иностранцев ответить приветствием. «Петр сорвал треугольную шляпу, весело замахал в от-

вет, крикнул приветствие... Но сейчас же, — видя напряженные лица Апраксина, Ромодановского, премудрого дьяка Винуса, — сердито отвернулся».

Петр чувствует, что его положение хозяина необъятной страны здесь очень зыбко. Все испытывали стыд, и хотели «уберечь достоинство» государя. Однако Петр не заражается спесью бояр, хотя он «помнил и снова видел гордое презрение, прикрытое любезными улыбками». «И Петр азиатской хитростью почувствовал, каким он должен явиться перед этими людьми, чем, единственным, взять верх над этими людьми... Их нужно было удивить...»

«Петр Алексеев, подшкипер переяславского флота» решает вести себя так: «мы, мол, люди рабочие, бедны да умны, пришли к вам с поклоном от нашего убожества, — пожалуйста, научите, как топор держать...»

И Петр не только удивляет иноземцев (простотой обращения, чрезмерным восхвалением кораблей, самоуничижением, танцами, во время которых отлетели каблуки), но и сам решается на великие дела. «Черт привел родиться в такой стране!» – думает он в отчаянии. В бессонную ночь он вспоминает прожитую жизнь, сравнивает себя с Василием Васильевичем Голицыным, ищет пути, как расшевелить людей. В путанице мыслей и желаний ему помогает разобраться Лефор. «Я давно этого ждал, Питер... Ты в возрасте больших дел», – говорит он «странным» голосом.

Петр с помощью Лефорта определяет стратегию: «замахивайся на большее, а по малому — только кулак отшибешь...» И все же Петр пока еще приводят в недоумение слова Лефорта о необходимости войны для завоевания Черного, Азовского, Балтийского морей.

Вслед за решением заложить Архангельскую верфь Петр со всей страстью берется за воплощение идеи — иметь свой флот. Он сам плотничает и берется за кузнечный молот. «Рабочих уже было более сотни <...> брали честью — по найму, а если упрямылись, — брали и без чести, в цепях...»

Постепенно Петр становится увереннее, «будто под ногами прощупывалась станова жила». От осознания правильности выбранного пути у него билось сердце, самонадеянно, тревожно-радостно».

Письма из Москвы, от матери, жены напоминают Петру о другом мире, о множестве государственных дел, которые следует решать. Какую-то неведомую струнку задевает письмо матери, в котором «приложен пальчик в чернилах» царевича Алексея Петровича. «Ненужное письмецо» жены вырывает ветер с его колен и уносит в море.

Болезнь матери заставляет царя приехать в Москву. Он бежит «прямо к матери» — в переходах люди едва успевали шарахаться». «Загорелый, худой, коротко стриженный, в узкой куртке черного бархата, в штанах пузырями» Петр несется по лестницам. Его едва узнают. Наталья Кирилловна «вперила заблестевшие зрачки в этого тощего голландского матроса».

Встреча Петра с женой после долгой разлуки для обоих оказывается тягостной. Евдокия не отвечает на его поцелуи, стыдится, держится скованно, и тогда Петр идет к друзьям-собутельникам из Немецкой слободы («Не ласкал, насильничал, молча, страшно», заснул, «как пьяный мужик в канаве»).

Наталья Кирилловна лишь на время отдышалась после сердечного приступа. О кончине матери Петр узнает из письма Льва Кирилловича. «У него опустились, задрожали губы... Взял с подоконника шляпу, нахлобучил на глаза. По щекам текли слезы». Все «судили и рядили, что же теперь будет...»

Петр тяжело переживает смерть матери, вновь отчетливо сознает свое одиночество. «Вот и один, с чужими», – думает он. «Смертно стало жаль себя, покинутого...» Его горе понимает только сестра Наталья, «ласковая и веселая девушка» («в глазах ее светилась материнская жалость»). Петру не хватает ласки, любви, человеческого участия. Эти горькие дни, связанные со смертью и похоронами, сближают брата и сестру.

Ищет Петр участия и у жены. «Дуня... Мама умерла... Пусто... Я было заснул... Эх, Дунечка...» Она видит, что он ждет от нее чего-то, видит его «глаза жалкие», но душевная черствость не дает ей понять мужа. В такой момент она начинает учить Петра, как надо себя вести. «Чай — цари», — выговаривает ему Евдокия. В пылу она «брякнула»: «Мамаша всегда меня ненавидела, с самой свадьбы, мало я слез пролила».

Эти слова навсегда отторгают Петр от жены. «Это я тебе, Дуня, попомню — маменькину смерть. Раз в жизни у тебя попросил... Не забуду...» — говорит он, «резко оскалившись», надевая трясущимися руками башмаки. Утешение Петр находит у Лефорта, который, стараясь отвлечь его от тягостных дум, устраивает царю встречу с Анхен. «Петр стряхнул с себя печаль».

Петр решается воевать Крым. Князь-папа, Никита Зотов, вздыхает по этому поводу: «Давно ли я тебя цифири-то учил...»

Петру «жутко было взваливать на одного себя такое важное решение: молод еще был и смолоду пуган». Большая боярская Дума после выступления Тихона Стрешнева, Льва Кирилловича Нарышкина, Федора Юрьевича Ромодановского, после заслушивания челобитной московского купечества с поклоном приговаривает: «Воля твоя, великий государь, — созывай ополчение».

Уже в начале похода Петр сталкивается с воровством, с задержками кормов, продуктов для армии. Царь выжигает эти язвы каленым железом, не задумываясь о выборе средств. «Схватил за редкие волосы перепутанного боярина, — не мог говорить от ярости, — плюнул ему в лицо, стащил на земляной пол, бил ботфортом в старческий мягкий бок...» Боярин Стрешнев не смог потребовать с подрядчиков и тем вызвал гнев царя. Но вскоре Петр отходит и доверительно разговаривает с ним: «Тихон Никитьевич, не сидись... Войска прямо грузить на суда. Не мешкая... Азов возьмем с налета...»

«В первый раз Петр всюю кожею ощутил жуть опасности... Оттуда из тьмы вот-вот зазвонит тетива татарского лука! Поджимались пальцы на ногах».

Петра изумляет неудача. «Под высокими стенами Азова стыдно было и вспоминать недавнее молодечество — взять крепость с налета». Он ходит «мрачный, будто повзрослел за эти дни». Однако думает Петр только о победе: «Азов будет взят!» Многому научился он у генерала Гордона. «Скинув кафтан и парик, копал землю, плел фашины, здесь же ел с солдатами».

Но мудрости старого полководца царь еще не достиг, «ему уже мерещились звуки победных рожков на стенах Азова». Он не отказывается от идей штурмовать крепость. Генерал «с ласковой грустью глядел на самонадеянного мальчика». «А может быть, — пишет Толстой, — так и нужно было, чтобы молодость шла напролом...» Штурм, конечно, снова был отбит.

Друзья-собутельники готовы отложить новый приступ на следующий год. Царь смотрит на них «остекленевшими глазами», ругается и грозит повесить. Петр сам руководит новой осадой, назначает инженерам сроки, когда взорвать стены. После неудачных попыток взорвать стены и больших потерь в людях «осада была снята». «Так без славы кончился первый Азовский поход».

Петр продолжает готовиться к войне, укрепляет армию. Боярство и поместное дворянство, духовенство и стрельцы страшились перемен, ненавидели быстроту и жестокость всего нововводимого.

Через два года Петр, обложив Азов с моря и с суши, все же взял крепость. На большой Думе Петр излагает свою программу решения важных государственных начинаний: «Разоренный и выжженный Азов благоустроить вновь и населить войском немалым, да неподалеку оттуда, где заложена мною крепость Таганрог, сию крепость благоустроить и населить же...» Особо выделена в речи царя необходимость «построить морской караван в сорок али более того судов...». Бояре покорно приговаривают все без спора, видят, что у Петра «все решено вперед».